

УДК 159.9

Л.Г. Лысюк¹, В.В. Голиков²

¹д-р психол. наук, проф., проф. каф. психологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
²психолог образовательного центра «Инсайт» (г. Брест)
e-mail: 1alysiuk@list.ru

СУПРУЖЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ У ДЕВУШЕК В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА ОТ ЮНОСТИ К РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Одной из основных причин несостоятельности института современной семьи является некорректная реализация партнерами своих мужских и женских ролей в силу несформированности у супругов образа себя как мужа и жены. По разным оценкам, от 70 до 90 % девушек имеют неясный или ригидный образ себя как супруги. Поэтому возможность проведения фронтальных опросов молодежи и последующая работа психологов, основывающаяся на выявленных особенностях их супружеской идентичности, может повысить здоровье современной белорусской семьи. Цель исследования – выяснение эффективности использования опросника, позволяющего выявлять особенности супружеской идентичности с помощью методики Дж. Марсиа. Статистический сравнительный анализ данных, полученных с использованием опросника и интервью, показал, что опросник может использоваться для решения задачи дифференциации идентичности со степенью разрешения «неосознаваемая/осознаваемая». При этом он позволяет дифференцировать супружескую идентичность только по статусам «мораторий» и «достигнутая идентичность». Для выделения «диффузной» и «предрешенной идентичности» необходимо проведение дополнительного интервью.

Одной из основных причин несостоятельности института современной семьи является некорректная реализация партнерами своих мужских и женских ролей (В.Н. Дружинин [2], С.А. Беличива [1], О.А. Карабанова [3]). Это происходит из-за того, что молодые супруги не идентифицируют себя как мужа или жену, т.е. у них не сформирована супружеская идентичность. Процесс становления супружеской идентичности не изучался ни западными, ни русскоязычными исследователями. Например, в рамках гендерного подхода выделяют пространство супружества как приоритетное только для женщины: мать и хозяйка, хотя «мать» не является супружеской ролью, а «хозяйка» – роль достаточно размытая по своему содержанию. В то же время мужчине предписывается реализовывать свою маскулинность в обществе (т.е. за пределами семьи), взаимодействуя с ней в основном в вопросах материального обеспечения. В рамках теории эго-идентичности супружеская идентичность рассматривается в контексте решения одной из основных задач молодости (18–30 лет) – построение близких отношений с противоположным полом, подготовка к вступлению в брак и начало семейной жизни.

Таким образом, актуальность исследования супружеской идентичности определяется тем, что знание психологических аспектов ее становления позволит организовать целенаправленную работу с молодежью, ориентированную на развитие их готовности к выполнению супружеских функций.

Теоретическая и эмпирическая разработка проблемы идентичности в психологии проводится в рамках различных направлений и школ. *Символический интеракционизм* (Дж. Мид [19], И. Гоффман [13], Р. Фогельсон [12], Ю. Хабермас [15]) представляет идентичность как результат идентификаций с оценками других и ролями, которые индивид, по его мнению, играет в их сознании. *Когнитивная психология* (Х. Тэджфел [20], Дж. Тэрнер [21; 22], Г. Брейкуэлл [10]) определяет идентичность как когнитивную регуляторную систему, состоящую из двух частей: личностной и социальной идентичности, которые регулируют взаимодействие личности с социумом. Создатель теории эго-идентичности Э. Эриксон [7] и его последователи (Дж. Марсиа [17], А. Ватерман [24; 25]) определяют идентичность как внутреннюю динамическую организацию смыслов, цен-

ностей, убеждений, способностей, потребностей и индивидуальной истории, посредством которой индивид осознанно или бессознательно переживает собственное тождество и целостность, переживает себя как источник собственной активности и жизненной силы, побуждающей к действию. Внутренняя непрерывность и тождественность личности проявляется в ощущении себя самой собой в различных обстоятельствах, социальных группах и возрастах [8, с. 28].

Согласно Э. Эриксону, идентичность возникает в детстве как результат успешного эгосинтеза и ресинтеза. Развитие идентичности происходит через преодоление внутренних и внешних конфликтов [11]. Процесс преодоления определяется Э. Эриксоном как кризис идентичности, т.е. конфликт между идентичностью, которой обладает индивид в конкретный момент времени, и новыми требованиями, которые предъявила ему жизнь [8, с. 32].

Теоретические конструкты Э. Эриксона операционализировал Дж. Марсиа. Он выделил два критерия для определения статуса идентичности: 1) наличие или отсутствие кризиса, 2) наличие или отсутствие принятого решения о найденной идентичности (т.е. новых целей, ценностей и убеждений) и определяемых ею действий. Используя данные критерии, он описал четыре статуса идентичности:

- 1) диффузная идентичность – «поиска не было / решение не принято»;
- 2) предрешенная идентичность – «поиска не было / решение принято»;
- 3) мораторий – «поиск есть / решение не принято»;
- 4) достигнутая идентичность – «поиск был / решение принято» [18].

Дальнейшее развитие статусной модели Дж. Марсиа связано с устранением жесткой дискретности в измерении идентичности (четыре статуса). Это позволяет измерять ценностные ориентации личности, кросс-культурные навыки и ориентации, личностные особенности, лежащие в основе принятия решений и решения проблем.

Х. Гротевант был одним из первых последователей Дж. Марсиа, который заговорил о модели становления личности не как дискретно-статического, а как непрерывного динамического процесса. Он предложил рассматривать процесс поиска и примеривания альтернатив главной переменной в статусной модели Дж. Марсиа, а выбор (принятие решения и обязательств) – показателем (индексом) результата. В этой связи он определил поиск как процесс, лежащий в основе развития идентичности, акцентируя свое внимание на выявлении критериев, условий и реверсивных механизмов процесса поиска [14, с. 204–205].

Развивая идеи Х. Гротеванта, М. Берзонски предложил т.н. модель стилей идентичности, рассматривая статусы Дж. Марсиа в качестве дискретных уровней развития идентичности. По его мнению, эго-идентичность строится посредством социальных взаимодействий между людьми, которые рассматриваются им как «самостоятельные теоретики», создающие вокруг себя работоспособные модели мира [9], выбирая при этом тот стиль, который, по их мнению, лучше всего подходит.

А. Ватерман развил идею становления эго-идентичности как процесса, но не как восходящего по линейному закону, в результате которого достигаются определенные статусы идентичности (ступени), а как подвижный процесс, имеющий прогрессивные (начало или возобновление поисков) и регрессивные (прекращение или полный отказ от поисков) сдвиги от статуса к статусу в зависимости от социокультурного контекста (Америка/Европа), возраста (11–27 лет), гендера (маскулинность/фемининность) и сферы идентичности (религиозная, политическая и др.) [25].

В. Куртинес ввел еще одну характеристику идентичности, включив в статусную модель Дж. Марсиа процесс кооперации между личностью и ее социальной средой, которая предоставляет человеку возможности для развития познавательных и психосоциальных компетенций, а человек несет ответственность за содействие росту и развитию

общества. В. Куртинес рассматривает индивида как активного, самостоятельного агента, который делает выбор между альтернативными образцами идентичности и несет ответственность за свой выбор, становясь творцом своего собственного развития [16].

Сравние понятий «самосознание», присущее в основном русскоязычной психологии, и «идентичность» показывает, что они не являются синонимами, хотя и имеют общие элементы структуры (потребности, способности, идентификации, роли и т.д.) и функции (например, регуляторная). Понятие «самосознание» шире, чем идентичность. «Самосознание понимают как осознанное выделение человеком себя из объективного мира, осознание и оценку своего отношения к миру, себе как личности, своих поступков, действий, мыслей и чувств, желаний и интересов. Идентичность понимают как переживание (осознанное и неосознаваемое) тождественности, определенности и целостности личности» [6, с. 23]. Это позволяет определять нерелексивные, ускользающие от контроля «самосознания» содержания, переживаемые как часть собственной личности, не пользуясь понятиями «подсознание» и «бессознательное» [4].

С точки зрения содержания эго-идентичность включает в себя профессиональную идентичность (Д. Стьюпер, Е.А. Климов, В.А. Бодров, Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк, В.А. Бодров), гендерную идентичность (Д. Майерс, У. Фаррел, П. Робисон, Дж.Б. Миллер, К. Гилиган, С. Бем, И.С. Кон, Е.Ю. Терешенкова, А.С. Юрина, А.Р. Тиводар), этническую идентичность (Р. Бенедикт, Г. Деверо, М. Мид, А. Кардинер, Дж. Хониман, Ф. Хсю, М. Блелок, М. Спиро, А. Уоллес, В.С. Агев, А.Н. Леонтьев, С.Н. Ениколопов, Г.У. Солдатова, Р.А. Тагирова), религиозную идентичность (З. Фрейд, К. Юнг, У. Джеймс, Э. Фромм, В. Франкл, С. Гроф, А.И. Клибанов, В.В. Павлюк, М.Г. Писманник, Д.М. Угринович, Б.С. Братусь, А.П. Марков, Д.М. Двойнин). При этом супружескую идентичность традиционно относят к гендерной идентичности, в то время как исследований того, как и в результате чего люди начинают размышлять о себе в новой для них роли – роли мужа или жены, практически нет.

В рамках подхода Эриксона – Марсиа нами было проведено исследование супружеской идентичности с использованием полуструктурированного интервью Дж. Марсиа адаптированного С.А. Татарко [5, с. 8] на выборке, включающей 64 респондентки. Полученные результаты показали, что большинству девушек 20–30 лет свойственна неосознаваемая супружеская идентичность, которая включает предрешенную идентичность (39,1 % респонденток) и диффузную идентичность (37,5 % респонденток); осознаваемой супружеской идентичностью обладают 23,4 % респонденток: статус моратория зафиксирован у 20,3 %, а 3,1 % демонстрируют достигнутую идентичность.

Девушки впервые начинают задумываться о своей новой роли в возрасте около 22 лет, при этом девушки 20–25 лет полагают, что начали задумываться об этом в 19 лет, а девушки старшей возрастной группы называют возраст 25 лет. Этот факт может указывать на отсутствие тождественности понятий «размышления о собственной супружеской идентичности» и «кризис супружеской идентичности», т.е. размышления о собственной супружеской идентичности запускают не кризис, а период, благоприятный для начала кризиса, который может наступить в случае появления специфических обстоятельств, которые способствуют поиску источников информации о содержании супружеской идентичности.

Факторами, определяющими становление супружеской идентичности, являются возраст, в котором девушки начали задумываться о себе как будущей жене; обстоятельства, побудившие их к этому; источники информации, в которых они искали элементы содержания супружеской идентичности. Наиболее часто упоминаемыми обстоятельствами, актуализирующими появление вопроса о собственной супружеской идентичности, являются (в порядке приоритетности): 1) значимые для респонденток люди, 2) переживание своего или чужого травматического опыта отношений с противополо-

ложным полом, 3) наличие реальных отношений с мужчиной и взаимодействие с психологом. При этом до 25 лет наиболее часто называют «влияние значимых людей», а после 25 – «опыт травматических отношений».

Источниками информации, в которых девушки чаще всего ищут ответы на вопросы о содержании супружеской идентичности, оказались специальная литература, успешный опыт супружеских пар, тренинги и курсы. Возрастных различий в предпочтениях тех или иных источников информации обнаружено не было. Была обнаружена взаимосвязь значимости источников информации и статуса супружеской идентичности: для девушек с неосознаваемой супружеской идентичностью («диффузная» и «предрешенная идентичность») наиболее важным источником информации служат родители, а для девушек с осознаваемой идентичностью («мораторий» и «достигнутая идентичность») – тренинги и курсы.

Полученные данные обладают достаточно высоким уровнем надежности. Вместе с тем использование полуструктурированного интервью делает сам процесс исследования и обработки полученных данных очень трудоемким и длительным, что исключает возможность исследования больших выборок, например, старшеклассников, студентов и других групп молодежи для организации профилактической, коррекционной и развивающей работы. Учитывая значимость и необходимость своевременного выявления статуса супружеской идентичности у девушек, вступивших в период подготовки к семейной жизни, была поставлена цель разработать опросник, позволяющий достаточно быстро выявлять особенности супружеской идентичности.

Для достижения поставленной цели были взяты основные вопросы адаптированного интервью Дж. Марсиа, с помощью которых выявляются статусы супружеской идентичности. Для каждого вопроса предлагались варианты ответов, которые были типичны для девушек с разными статусами и которые были получены в процессе интервьюирования. Кроме предложенных ответов респондентки имели также возможность дать свой ответ, не предусмотренный опросником. Всего было использовано 17 вопросов.

В исследовании приняли участие 278 девушек в возрасте 20–30 лет. Все они были разделены на две возрастные группы: 20–25 лет (139 девушек); 26–30 лет (139 девушек). В неполной семье воспитывались 112 респонденток, в полной – 166; 144 имели опыт трудовой деятельности, 134 студентки были без трудового опыта; 101 респондентка имела среднее специальное образование, 177 – незаконченное высшее. Все испытуемые имели опыт влюбленности и построения отношений, но не состояли в браке.

Анализ полученных результатов показал, что в исследуемой выборке представлены разные статусы супружеской идентичности. Результаты представлены на рисунке.

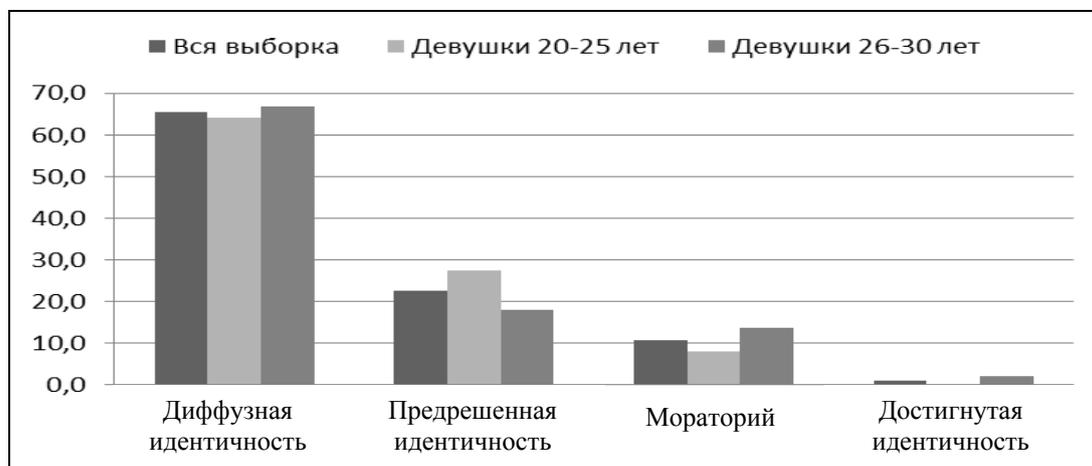

Рисунок. – Статусы супружеской идентичности у девушек в возрасте 20–30 лет

Полученные данные показывают, что чаще всего (65,5 % выборки) девушки демонстрируют «диффузную идентичность»: интерес к обсуждению темы отсутствует. Декларируемые представления изменчивы и размыты, в основном ответы носят стереотипный характер и совпадают со взглядами, представленными в СМИ («Хорошая жена готовит, убирает, создает уют в доме»). Пример: «В каком возрасте Вы начали осознанно задумываться о себе как о будущей жене?» – «Еще не начала». – «Назовите источник Ваших представлений о том, какой женой Вы хотите быть?» – «Они были всегда». – «Происходили ли существенные изменения в Ваших представлениях о себе как о жене?» – «Нет, я всегда, в общем и целом, представляла себя женой так же, как представляю сейчас».

22,7 % респонденток показали «предрешированную идентичность» («Хорошая жена в чем-то повторяет действия своей мамы»). Пример: «Назовите источник Ваших представлений о том, какой женой Вы хотите быть?» – «Пример мамы». – «Происходили ли существенные изменения в Ваших представлениях о себе как о жене?» – «Нет, я всегда, в общем и целом, представляла себя женой так же, как представляю сейчас». – «Считаете ли Вы необходимым готовиться к выполнению роли жены?» – «Нет». – «Как вы готовитесь к роли жены?» – «Я не делаю ничего особенного».

У 4 % респонденток выявлен статус «моратория», который проявляется на основании следующих признаков: осведомленность, активная деятельность по сбору информации, свидетельство рассмотрения альтернатив, позитивный эмоциональный настрой, желание принять скорое решение.

Статус «достигнутой идентичности» был обнаружен у 1,1 % респонденток, который проявился в следующих признаках: свидетельства самих респонденток, информированность, позитивный эмоциональный настрой, сопротивление нестабильности, идентификация со значимыми другими, активность по осуществлению выбранного элемента идентичности, проектирование личного будущего.

Как показывают полученные данные, большая часть девушек (88,2 %) не находится в ситуации поиска собственной супружеской идентичности («предреширенная» и «диффузная идентичность»). Из них 65,5 % имеют размытый и стереотипный образ жены, а 22,7 % имеют ригидные представления, которые не претерпели существенных изменений в течение жизни респонденток и, как правило, совпадают с мнением значимой для них фигуры матери. Около 10 % респонденток находятся в кризисе и осуществляют поиск. 1,1 % успешно прошли кризис и готовят себя к супружеской жизни.

Сравнительный анализ представленности статусов идентичности, характерной для всей выборки в двух возрастных группах, в целом показал отсутствие значимых возрастных различий между девушками 20–25 лет и 26–30 лет («диффузная идентичность» – $\chi^2 = 0,26$, $p > 0,05$; «предреширенная идентичность» – $\chi^2 = 3,47$, $p > 0,05$; «мораторий» – $\chi^2 = 2,4$, $p > 0,05$; «достигнутая идентичность» – $\chi^2 = 3$, $p > 0,05$).

Для выяснения факторов, влияющих на становление супружеской идентичности, были проанализированы возраст, в котором девушки начали задумываться о себе как будущей жене; обстоятельства, побудившие их к этому; источники информации, в которых они искали элементы содержания супружеской идентичности.

Анализ ответов на вопрос «В каком возрасте Вы начали осознанно задумываться о себе как о будущей жене?», представлен в таблице 1.

Таблица 1. – Возраст начала осмысления девушками своего образа Я как жены, лет

Выборка	Среднее значение	Минимальный	Максимальный
Вся выборка	21,5	14	30
20–25 лет	20	14	25
26–30 лет	23	14	30

Согласно полученным данным, незамужние девушки начинают серьезно задумываться о себе как о будущей жене в возрасте около 21,5 лет. Причем разброс индивидуальных сроков появления этих размышлений достаточно широк: от 14 до 30 лет. Девушки 20–25 лет полагают, что начали осмысливать образ жены в возрасте около 20 лет, а девушки 26–30 лет – в среднем около 23 лет.

Обратимся к результатам анализа ответов на вопрос о причинах, вызвавших размышления над собственным образом жены. Количественные данные этого анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Факторы, стимулирующие начало поиска супружеской идентичности у девушек в возрасте 20–30 лет, n / %

Фактор	Вся выборка	Девушки 20–25 лет	Девушки 26–30 лет
Пример отношений между родителями	93 / 33,5	41 / 29,5	52 / 37,4
Влияние значимых людей	29 / 10,5	22 / 15,9	7 / 5
Опыт травматических отношений	12 / 4,3	7 / 5	5 / 3,6
Наличие реальных отношений	100 / 36	36 / 25,9	64 / 46
Взаимодействие с психологом	5 / 1,8	1 / 0,7	5 / 3,6
Самостоятельная жизнь	23 / 8,27	15 / 9,8	8 / 5,8

Как видно из представленных данных, максимальное влияние на появление размышлений о себе как будущей жене оказывают «Реальные отношения» с противоположным полом: (36 % девушек 20–30 лет). Вторым по значимости является «Пример отношений между родителями» (33,5 % опрошенных), третьим фактором (10,5 %) оказалось «Влияние значимых людей» (не родителей). Статистический анализ возрастных различий относительно каждого из указанных обстоятельств позволил обнаружить наличие значимых различий по двум из указанных причин. Оказалось, что «Пример отношений между родителями» значимо чаще называют респондентки младшей (20–25 лет) возрастной группы ($\chi^2 = 8,7$, $p > 0,05$), а «Наличие реальных отношений» – респондентки старшей возрастной группы ($\chi^2 = 12,2$, $p > 0,05$).

Третье направление анализа касалось выявления источников информации для поиска собственной супружеской идентичности. Данные о количественной представленности этих категорий в изучаемой выборке отражены в таблице 3. (В связи с тем, что часть девушек заявляли, что свои представления о том, какими женами они хотят быть, «у них всегда были», и потому они не использовали никаких источников информации, сумма процентов в данной таблице может отличаться от 100 %).

Таблица 3. – Источники поиска супружеской идентичности, n / %

Источник	Вся выборка	Девушки 20–25 лет	Девушки 26–30 лет
Специальная литература	15 / 5,4	8 / 5,8	7 / 5
Пример мамы	59 / 21,2	35 / 25,2	24 / 17,3
Примеры пар, имеющих успешные отношения	92 / 33,1	40 / 28,8	52 / 37,4
Тренинги, курсы	8 / 2,9	1 / 0,7	7 / 5
Мнение незамужних подруг	0 / 0	0 / 0	0 / 0
Пожелания мужчины	16 / 5,8	10 / 7,2	6 / 4,3

Как видно из представленных данных, основным источником содержания образа жены является пример пар, имеющих успешные отношения (33,1 %). Вторым по значимости источником можно считать пример мамы (21,2 %).

Сравнение двух возрастных групп с помощью критерия углового преобразования Фишера не выявило возрастных различий по значимости источников, повлиявших на развитие собственного образа будущей жены («Литература» – $\phi = 0,29$, $p < 0,1$; «Пример мамы» – $\phi = 1,61$, $p < 0,1$; «Пример пар, имеющих успешные отношения» – $\phi = 1,52$, $p < 0,1$; «Тренинги» – $\phi = 2,35$, $p < 0,1$; «Пожелания мужчины» – $\phi = 1,04$, $p < 0,1$).

Рассмотрим значение каждого из представленных источников супружеской идентичности для респонденток в статусах «диффузной» и «предрешенной идентичности» (таблица 4).

Таблица 4. – Значимость источников супружеской идентичности у респонденток в статусах «диффузной» и «предрешенной идентичности», n / %

Источник супружеской идентичности	Вся выборка	Девушки 20–25 лет	Девушки 26–30 лет
Специальная литература	13 / 5,3	7 / 5,9	6 / 4,7
Пример мамы	56 / 22,9	34 / 28,8	22 / 17,3
Примеры пар, имеющих успешные отношения	74 / 30,2	35 / 29,6	39 / 30,7
Тренинги, курсы	2 / 0,8	0 / 0	2 / 1,57
Мнение незамужних подруг	0 / 0	0 / 0	0 / 0
Пожелания мужчины	14 / 5,7	8 / 6,8	6 / 4,72

Согласно представленным данным, респондентки в статусах «диффузной» и «предрешенной идентичности» наиболее часто упоминают в качестве источников супружеской идентичности «Пример пар, имеющих успешные отношения» (30,2 %) и «Пример мамы» (22,9 %).

Сравнение двух возрастных групп с помощью критерия углового преобразования Фишера не выявило возрастных различий по значимости источников, повлиявших на развитие собственного образа будущей жены («Литература» – $\phi = 0,42$, $p < 0,1$; «Пример мамы» – $\phi = 0,94$, $p < 0,1$; «Пример пар, имеющих успешные отношения» – $\phi = 0,17$, $p < 0,1$; «Тренинги» – $\phi = 0,58$, $p < 0,1$; «Пожелания мужчины» – $\phi = 0,71$, $p < 0,1$).

Рассмотрим также значение каждого из представленных источников супружеской идентичности для респонденток в статусах «мораторий» и «достигнутая идентичность» (таблица 5).

Таблица 5. – Значимость источников супружеской идентичности у респонденток в статусах «мораторий» и «достигнутая идентичность», n / %

Источник супружеской идентичности	Вся выборка	Девушки 20–25 лет	Девушки 26–30 лет
Специальная литература	2 / 6	1 / 9	1 / 4,5
Пример мамы	3 / 9	1 / 9	2 / 9
Примеры пар, имеющих успешные отношения	18 / 54,5	5 / 45,5	13 / 59
Тренинги, курсы	7 / 21,1	1 / 9	6 / 27,3
Мнение незамужних подруг	0 / 0	0 / 0	0 / 0
Пожелания мужчины	2 / 6	2 / 18,1	0 / 0

Согласно представленным данным, для всей выборки респонденток, достигших статусов «мораторий» и «достигнутая идентичность», наиболее упоминаемым источ-

ником супружеской идентичности являются «Пример пар, имеющих успешные отношения» (54,5 %) и «Тренинги и курсы» (21,1 %).

Сравнение двух возрастных групп с помощью критерия углового преобразования Фишера не выявило возрастных различий по значимости источников, повлиявших на развитие собственного образа будущей жены («Литература» – $\phi = 0,5$, $p < 0,1$; «Пример мамы» – $\phi = 0$, $p < 0,1$; «Пример пар, имеющих успешные отношения» – $\phi = 0,73$, $p < 0,1$; «Тренинги» – $\phi = 1,31$, $p < 0,1$; «Пожелания мужчины» – $\phi = 1,23$, $p < 0,1$).

Рассмотрим также значимость источников супружеской идентичности у респонденток с «неосознаваемой» и «осознаваемой идентичностью» (таблица 6).

Таблица 6. – Значимость источников супружеской идентичности у девушек в статусах «неосознаваемая» и «осознаваемая идентичность», n / %

Источник супружеской идентичности	«Неосознаваемая идентичность»	«Осознаваемая идентичность»
Специальная литература	13 / 5,3	2 / 6
Пример мамы	56 / 22,9	3 / 9
Примеры пар, имеющих успешные отношения	74 / 30,2	18 / 54,5
Тренинги, курсы	2 / 0,8	7 / 21,1
Мнение незамужних подруг	0 / 0	0 / 0
Пожелания мужчины	14 / 5,7	2 / 6

Статистический анализ с помощью критерия углового преобразования Фишера показал, что девушки в статусах «мораторий» или «достигнутая идентичность» в отличие от девушек с «предрешенной» и «диффузной идентичностью» значимо чаще упоминают такие источники развития супружеской идентичности, как «Пример пар, имеющих успешные отношения» ($\phi = 2,68$, $p < 0,1$). Т.е. девушки, находящиеся на стадии моратория или достигшие супружеской идентичности, отдают предпочтение практическому опыту успешных пар и редко рассматривают влияние родительской семьи как значимый источник; в то же время девушки с «диффузной» и «предрешенной идентичностью» оценивают его как важный фактор.

Обнаружены также и значимые различия при упоминании роли тренингов и курсов ($\phi = 4,19$, $p < 0,1$). Респондентки в статусах «мораторий» и «достигшие супружеской идентичности» ставят «Тренинги и курсы» на второе место по значимости влияния на развитие их супружеской идентичности, в то время как девушки с «диффузной» и «предрешенной идентичностью» указывают на этот источник достаточно редко. Относительно других источников супружеской идентичности значимых различий не обнаружено («Литература» – $\phi = 0,18$, $p < 0,1$; «Пример мамы» – $\phi = 2,07$, $p < 0,1$; «Пожелания мужчины» – $\phi = 0,09$, $p < 0,1$).

Следующей задачей исследования было выяснение, существуют ли статистические различия в статусах супружеской идентичности у девушек с разными социальными характеристиками: уровень образования (среднее/высшее), вид ведущей деятельности (учеба/работа) и характер родительской семьи (полная/неполная).

Оказалось, что между двумя группами девушек, различающихся уровнем образования (высшее или незаконченное высшее и среднее специальное), отсутствуют значимые различия в представленности статусов супружеской идентичности ($\chi^2 = 1,328$, $p < 0,05$). Обнаружено, что существуют значимые различия в представленности статусов супружеской идентичности у девушек, которые учатся, и девушек, которые работают ($\chi^2 = 10,924$, $p < 0,05$). Не выявлено также различий в статусах супружеской иден-

тичности между девушками, выросшими в полной семье, и девушками, воспитывавшимися в неполной семье ($\chi^2 = 0,173$, $p < 0,05$).

Для выяснения степени согласованности результатов, полученных с помощью интервью и с помощью опросника, были использованы критерий ϕ – угловое преобразование Фишера и t-критерий Стьюдента (таблица 7).

Таблица 7. – Представленность статусов супружеской идентичности, выявленные посредством интервью и опросника, %

Форма опроса	«Диффузная идентичность»	«Предрешенная идентичность»	«Мораторий»	«Достигнутая идентичность»
Интервью	37,5	39,1	20,3	3,1
Опросник	65,5	22,7	10,4	1,1
Значение ϕ (при $p < 0,01$)	2,479*	2,531*	1,96	1,018

Примечание – * – значение критерия, указывающее на наличие значимых различий.

Как показали полученные данные, при использовании опросника (в сравнении с данными, полученными с помощью полуструктурированного интервью) значимо чаще обнаруживается «диффузная идентичность», но значимо реже выявляются «предрешенная идентичность». Обнаружено также, что значимых различий в количестве девушек со статусами «мораторий» и «достигнутая идентичность» при использовании двух форм методики Дж. Марсиа нет.

Следующим шагом было выявление различий между данными, касающимися «осознаваемой» и «неосознаваемой идентичности», которые были получены при использовании интервью и опросника (таблица 8).

Таблица 8. – Представленность статусов «осознаваемая» и «неосознаваемая супружеская идентичность» в исследованиях, проведенных посредством интервью и опросника, %

Форма опроса	«Неосознаваемая идентичность»	«Осознаваемая идентичность»
Интервью	76,6	23,4
Опросник	88,2	11,5
Значение ϕ (при $p < 0,01$)	2,178	2,249

Сопоставление количества девушек с «неосознаваемой идентичностью», выявленной при помощи интервью и опросника, показывает отсутствие значимых различий между двумя группами данных.

Дальнейшим шагом было сравнение данных, касающихся возраста, в котором девушки начинают размышлять о себе как о будущей жене, полученных с помощью интервью и опросника (таблица 9).

Таблица 9. – Возраст, в котором девушки начинают задумываться о себе как о будущей жене, выявленные посредством интервью и опросника

Форма опроса	Средний возраст		
	Вся выборка	Девушки 20–25 лет	Девушки 26–30 лет
Интервью	22	19	25
Опросник	21,5	20	23
Значение t (при $p = 0,01$)	0,76	1,44	2,94

Все полученные данные t-критерия Стьюдента оказались меньше критического значения, что говорит о том, что статистически значимых различий между данными, полученными с использованием интервью и опросника, нет.

Следующим шагом было выявление различий между данными о факторах, подтолкнувших девушек, по их мнению, к поискам супружеской идентичности, полученными при использовании интервью и опросника (таблица 10).

Таблица 10. – Факторы начала поиска супружеской идентичности, выявленные посредством интервью и опросника, %

Форма опроса	Пример отношений между родителями	Влияние значимых людей	Опыт травматических отношений	Наличие реальных отношений
Интервью	0	15,6	25	15,6
Опросник	33,5	10,5	4,3	36
Значение ϕ (при $p < 0,01$)	–*	1,075	4,45*	3,36*

Примечание – * – значение критерия, указывающее на наличие значимых различий.

Полученные с помощью интервью и опросника данные показывают значимые различия по большинству факторов, которые побудили к поиску супружеской идентичности. Отсутствие значимости зафиксировано для фактора «Влияния значимых людей».

Данные об источниках, полученные с помощью интервью и опросника, в которых девушки искали содержание супружеской идентичности, представлены в таблице 11.

Таблица 11. – Источники поиска содержания понятия «супружеская идентичность», выявленные посредством интервью и опросника, %

Форма опроса	Специальная литература	Родительская семья	Примеры успешных отношений	Тренинги, курсы
Интервью	46,9	29,7	26,6	18,8
Опросник	5,4	21,2	33,1	2,9
Значение ϕ (при $p < 0,01$)	7,78*	1,38	1,004	3,92*

Примечание – * – значение критерия, указывающее на наличие значимых различий.

Было обнаружено наличие значимых различий для источников «Специальная литература» и «Тренинги и курсы», а отсутствие различий для таких источников, как «Родительская семья» и «Примеры успешных отношений».

Данные об источниках, в которых девушки с «неосознаваемой супружеской идентичностью» ищут содержание супружеской идентичности, представлены в таблице 12.

Таблица 12. – Источники поиска содержания супружеской идентичности у девушек с «неосознаваемой супружеской идентичностью», %

Форма опроса	Специальная литература	Родительская семья	Примеры успешных отношений	Тренинги, курсы
Интервью	38,8	73,5	30,6	16,3
Опросник	5,3	22,9	30,2	0,8
Значение ϕ (при $p < 0,01$)	6,2*	7,34*	0,057	4,61*

Примечание – * – значение критерия, указывающее на наличие значимых различий.

Данные об источниках поиска содержания супружеской идентичности у девушек с «неосознаваемой супружеской идентичностью», полученные с помощью интервью и с помощью опросника, показали наличие значимых различий по таким источникам, как «Специальная литература», «Родительская семья» и «Тренинги и курсы», и отсутствие различий для источника «Примеры успешных отношений».

Последним шагом было сравнение данных, полученных с помощью интервью и опросника, касающихся источников, в которых девушки с «осознаваемой супружеской идентичностью» ищут содержание супружеской идентичности (таблица 13).

Таблица 13. – Источники поиска супружеской идентичности у девушек с «осознаваемой супружеской идентичностью», %

Форма опроса	Специальная литература	Родительская семья	Примеры успешных отношений	Тренинги, курсы
Интервью	53,3	6,7	53,3	60
Опросник	6	9	54,5	21,1
Значение ϕ (при $p < 0,01$)	8,075*	0,601	0,17	5,77*

Примечание – * – значение критерия, указывающее на наличие значимых различий.

Данные об источниках поиска содержания супружеской идентичности у девушек с «неосознаваемой супружеской идентичностью», полученные с помощью интервью и с помощью опросника, показали наличие значимых различий по таким источникам, как «Специальная литература» и «Тренинги и курсы», и отсутствие различий для таких источников, как «Родительская семья» и «Примеры успешных отношений».

Заклучение

Целью исследования было выяснение возможности использовать опросник, позволяющий выявлять особенности супружеской идентичности у незамужних девушек с помощью методики Дж. Марсиа, особенностей становления супружеской идентичности, а также взаимосвязей между статусами супружеской идентичности и социальными характеристиками респонденток.

Статистический сравнительный анализ данных, полученных с использованием опросника и интервью, показал, что для проведения предстатистических фронтальных исследований статусов супружеской идентичности в целях образовательной, коррекционной и терапевтической работы психолога с молодежью можно использовать методику Дж. Марсиа в форме опросника. Обнаружено, что значимых различий в количестве девушек со статусами «мораторий» и «достигнутая идентичность» при использовании двух форм методики Дж. Марсиа нет. Этот факт указывает, что опросник позволяет дифференцировать супружескую идентичность только по статусам «мораторий» и «достигнутая идентичность».

Сопоставление количества девушек с «неосознаваемой идентичностью», выявленного при помощи интервью и опросника, показывает отсутствие значимых различий между двумя группами данных. Этот факт, вероятно, свидетельствует о том, что опросник может использоваться для решения задачи дифференциации идентичности со степенью разрешения «неосознаваемая – осознаваемая». В случае необходимости выделения «диффузной» и «предрешенной идентичности» необходимо проведение дополнительного интервью.

Незамужние девушки начинают серьезно задумываться о себе как о будущей жене в возрасте около 21 с половиной года. Девушки 20–25 лет полагают, что начали

осмысливать свой образ жены в возрасте около 20 лет, а девушки 26–30 лет – в среднем около 23 лет.

Достоверным фактором, подталкивающим девушек к поискам супружеской идентичности на основании исследований, проведенных с помощью интервью и опросника, можно считать «Влияние значимых людей». Источниками, в которых респонденты искали содержание понятия «супружеская идентичность», являются «Родительская семья» и «Примеры успешных отношений». При этом девушки с «неосознаваемой супружеской идентичностью» ориентируются главным образом на «Примеры успешных отношений», а девушки с «осознаваемой супружеской идентичностью» наряду с «Примером успешных отношений» указали «Отношения в родительской семье».

Анализ статистических различий между статусами супружеской идентичности в зависимости от социальных характеристик (уровня образования, вида ведущей деятельности и характера родительской семьи), показал отсутствие значимых различий между статусами супружеской идентичности в зависимости от уровня образования респонденток, а также характера родительской семьи, в которой выросли девушки. Вместе с тем были обнаружены статистически значимые различия в статусах супружеской идентичности у девушек, которые учатся, и тех, кто работает. Этот факт может быть связан с тем, что девушки, которые еще учатся, своей первостепенной задачей считают получение образования, а создание семьи и рождение детей рассматривают как причину, которая может помешать окончить вуз. Работающие же девушки не обременены решением данной задачи и готовы к созданию семьи, что открывает возможности для начала поиска супружеской идентичности.

Таким образом, методика Дж. Марсиа, представленная в форме опросника, может использоваться в целях быстрой фронтальной диагностики большого количества испытуемых для дифференциации респондентов с «неосознаваемой» и «осознаваемой идентичностью» и последующей коррекционной работы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беличева, С. А. Основы превентивной психологии / С. А. Беличева. – М. : Соц. здоровье России, 1994. – 224 с.
2. Дружинин, В. Н. Психология семьи / В. Н. Дружинин. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2006. – 176 с.
3. Карабанова, О. А. Психология семейных отношений / О. А. Карабанова. – М. : Гардарики, 2005. – 320 с.
4. Малахов, В. С. Неудобства с идентичностью / В. С. Малахов // *Вопр. философии.* – 1998. – № 2. – С. 23–35.
5. Татарко, С. А. Измерение идентичности в рамках статусной модели Дж. Марсиа / С. А. Татарко // *Психол. диагностика.* – 2009. – № 1. – С. 1–39.
6. Шнейдер, Л. Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг / Л. Б. Шнейдер. – М. : МПСИ, 2004. – 560 с.
7. Эриксон, Э. Детство и общество / Э. Эриксон. – СПб. : Ленати, 1996. – 589 с.
8. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М. : Флинта, 1996. – 344 с.
9. Berzonsky, M. D. A constructivist view of identity formation: People as postpositivist selftheorists / M. D. Berzonsky // *Journal of Adolescent Research.* – 1993. – № 8. – P. 169–203.
10. Breakwell, G. M. Coping with threatened identities / G. M. Breakwell. – New York : Mithuen, 1986. – 160 p.

11. Ericson, E. H. The problem of ego identity / E. H. Ericson // Identity and anxiety: Survival of the person in mass society. – Glencoe : The Free Press, 1960. – P. 92–149.
12. Fogelson, R. D. Person, self and identity. Some anthropological retrospects, circumspects and prospects / R. D. Fogelson // Psychosocial theories of the self : Proc. of a conf. on new approaches to the self, March, 28–29, 1979 / by the Center for psychosocial studies. – Chicago : Plenum Press, 1982. – P. 145–148.
13. Goffman, E. The neglected situation / E. Goffman // American Anthropology. – 1964. – Vol. 5. – P. 33–68.
14. Grotevant, H. D. Toward a process model of identity formation / H. D. Grotevant // Journal of Adolescent Research. – 1987. – № 2. – P. 203–222.
15. Habermas, J. Identitat / J. Habermas. – Frankfurt : Suhrkamp, 1976. – 120 p.
16. Kurtines, W. M. Aco-constructivist perspective on human behavior and development / W. M. Kurtines // Manuscript submitted for publication. – 1999. – № 6. – P. 160–180.
17. Marcia, J. E. Development and validation of ego-identity status / J. E. Marcia // Journal of personality. – 1966. – № 4. – P. 551–558.
18. Marcia, J. E. Identity in adolescence / J. E. Marcia // Handbook of adolescent psychology. – New York : John Wiley, 1980.
19. Mead, G. H. Mind, self and Society / G. H. Mead. – Chicago : The Univ. of Chicago Press, 1946. – 320 p.
20. Tajfel, H. Social identity and intergroup relations / H. Tajfel. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1982. – 220 p.
21. Turner, J. C. Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior / J. C. Turner // Advances in group process: theory and research. – 1985. – Vol. 2. – P. 263.
22. Turner, J. The experimental social psychology of intergroup behavior / J. Turner // Intergroup Behaviour. – 1981. – № 3. – P. 66–101.
23. Waterman, A. S. Identity in adolescence: Processes and contents / A. S. Waterman. – San Francisco : Jossey Bass, 1985. – 105 p.
24. Waterman, A. S. Identity Status theory and Erikson’s theory: Communications and Differences / A. S. Waterman // Developmental Review. – 1988. – № 8. – P. 185–208.
25. Waterman, A. S. Issues of Identity Formation Revisited: United States and the Netherlands / A. S. Waterman // Developmental Review. – 1999. – № 19. – P. 462–479.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.05.2017

Lysyuk L.G., Golikov V.V. The Marriage Identity of Women in the Transition from Adolescence to Early Adulthood

One of the main reasons for the failure of the institution of the modern family is the incorrect partners’ implementation of their male and female roles, because the spouses haven’t the image of themselves as husband and wife. Therefore, the possibility of conducting front-line youth surveys and the subsequent work of psychologists, based on the identified features of their marital identity, can improve the health of the modern Belarusian family. In this connection, the purpose of the presented study was to elucidate the possibility of using a questionnaire, which makes it possible to identify the characteristics of marital identity through the method of J. Marcia. Statistical comparative analysis of the data obtained using the questionnaire and interviews showed that for the conduct of statistical, frontal studies of the status of marital identity, it is possible to use the J. Marcia technique in the form of a questionnaire. The questionnaire can be used to solve the problem of identity differentiation with a degree of resolution unconscious-conscious.